

ПОНАСЕНКО Артем Васильевич

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
русской и мировой литературы

Луганский государственный педагогический
университет

(г. Луганск, Луганская Народная Республика,
Российская Федерация)

ponart0202@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО БОЙЦА» К СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ «ЦИФРОВОГО КУРАТОРА НАСЛЕДИЯ»

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, целью которого является выявление и системный анализ ключевых этапов трансформации парадигмы архивного образования в России, заключающейся в переходе от советской модели «идеологического бойца» к модели «цифрового куратора наследия». Методология базируется на историко-системном и сравнительно-историческом подходах, а также на методе моделирования для реконструкции профессиональных компетенций архивиста. В результате анализа выявлены системообразующие элементы каждой модели: для советского периода – доминирование идеологического контроля, партийная цензура, ограниченный доступ к документам; для современного – ориентация на общедоступность информации, цифровые технологии, навыки работы с данными, развитие коммуникативных компетенций. Установлено, что современная трансформация носит глубинный характер, затрагивая сущность профессии, которая эволюционирует от хранителя-контролера к активному посреднику в цифровой среде. Вклад исследования заключается в разработке целостной концепции смены парадигм, которая может служить теоретической основой для модернизации образовательных стандартов и прогнозирования развития профессии.

Ключевые слова: архивное образование, парадигма образования, цифровой куратор, идеологический боец, цифровая гуманитаристика, историческая память, цифровая трансформация, компетентностная модель, архивное дело, профессиональные стандарты.

Дата поступления: 03.10.2025

Дата публикации: 26.06.2026

Для цитирования: Понасенко А. В. Трансформация парадигмы архивного образования в России: от советской модели «идеологического бойца» к современной модели «цифрового куратора наследия» // Непрерывное образование: XXI век. 2026. Т. 14. № 2. DOI: 10.15393/j5.art.2026.12256

PONASENKO Artem V.

PhD in Philological Sciences, Head of the Department of
Russian and World Literature
Lugansk State Pedagogical University
(Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian
Federation)

ponart0202@yandex.ru

TRANSFORMATION IN THE ARCHIVAL EDUCATION PARADIGM IN RUSSIA: FROM THE SOVIET MODEL OF AN «IDEOLOGICAL FIGHTER» TO THE MODERN MODEL OF A «DIGITAL HERITAGE CURATOR»

Abstract: the article presents the results of a study aimed at identifying and systematically analyzing the key stages of the transformation of the archival education paradigm in Russia, which consists of the transition from the Soviet model of an «ideological fighter» to the model of a «digital heritage curator». The methodology is based on historical-systemic and comparative-historical approaches, as well as the modeling method for reconstructing the professional competencies of an archivist. The analysis revealed the system-forming elements of each model: for the Soviet period – the dominance of ideological control, party censorship, limited access to documents; for the modern period – a focus on public accessibility of information, digital technologies, data skills, and the development of communication competencies. It has been established that the modern transformation is profound, affecting the very essence of the profession, which is evolving from a custodian-controller to an active mediator in the digital environment. The contribution of the study lies in the development of a holistic concept of paradigm shift, which can serve as a theoretical basis for modernizing educational standards and forecasting the development of the profession.

Keywords: archival education, educational paradigm, digital curator, ideological fighter, digital humanities, historical memory, digital transformation, competency model, archival science, professional standards.

Received: October 03, 2025

Date of publication: June 26, 2026

For citation: Ponasenko A. V. Transformation in the archival education paradigm in Russia: from the soviet model of an «ideological fighter» to the modern model of a «digital heritage curator». *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the 21st century]*. 2026. Vol. 14. No. 2. DOI: 10.15393/j5.art.2026.12256

Архивная система, являясь институтом памяти и идентичности, всегда находилась в тесной взаимосвязи с государственной политикой и доминирующей идеологией. Это в полной мере отражалось и на системе подготовки кадров для архивов, которая в каждый исторический период формировала специфическую профессиональную парадигму. Радикальные социокультурные и технологические сдвиги конца XX – начала XXI в., связанные с распадом СССР и наступлением эпохи цифровизации, обусловили необходимость фундаментального пересмотра подходов к архивному образованию. Актуальность темы определяется тем, что от адекватности ответа образовательной системы на эти вызовы зависит не только эффективность работы архивов, но и их роль в формировании открытого информационного общества и сохранении историко-культурного наследия в цифровую эпоху.

Актуальность исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, в условиях глобальной цифровой трансформации меняется сама природа документа – от материального артефакта к цифровому объекту данных, что требует принципиально новых компетенций для его обеспечения долговременной сохранности, аутентификации и доступности. Во-вторых, социальный запрос на открытость информации и «архивную демократию» сталкивается с необходимостью решения сложных правовых и этических дилемм, связанных с защитой персональных данных и цифровой безопасностью, что также ложится в основу новой образовательной программы. В-третьих, архивы перестают быть пассивными хранилищами и все активнее функционируют как публичные культурно-просветительские и научные центры, что требует от специалистов навыков проектной деятельности, коммуникации и медиапродвижения. Наконец, в современном российском обществе сохраняется острая потребность в преодолении разрывов исторической памяти, где архивист, владеющий современными цифровыми инструментами, может выступить в роли объективного посредника, обеспечивающего обществу доступ к релевантным и достоверным историческим источникам, свободным от идеологических наслоений прошлого. Таким образом, анализ трансформации образовательной парадигмы является ключом к пониманию не только профессионального, но и широкого социокультурного статуса архива будущего.

Историографический анализ проблемы позволяет выделить несколько сложившихся направлений в отечественной науке, каждое из которых вносит существенный вклад в осмысление эволюции архивного образования, но оставляет лакуны для комплексного исследования.

Первое направление представлено работами, посвященными общей истории архивного дела и образования в России. Труды Т. И. Хорхординой [1; 2] и А. Б. Безбородова [3] заложили прочную источниковую базу, детально описав институциональное становление системы в советский период. Особого внимания заслуживает монография Т. И. Хорхординой [1], в которой на обширном архивном материале реконструирована история Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) как главной «кузницы кадров» советской архивной системы. Автор прослеживает эволюцию учебных планов, кадровый состав преподавателей и механизмы взаимодействия института с партийно-государственными структурами. Однако, как справедливо отмечает В. П. Козлов [4], в этих трудах, носивших во многом описательный характер, идеологическая составляющая подготовки кадров часто оставалась на втором плане или рассматривалась как данность, без глубокого критического анализа ее влияния на профессиональное сознание архивиста. А. Б. Безбородов и Т. И. Хорхордина [3] в своей совместной работе поднимают проблему взаимосвязи архивов и власти, но фокусируются преимущественно на институциональном уровне, оставляя за рамками исследования вопросы о том, как именно идеологические установки транслировались через образовательные практики и формировали специфическую профессиональную ментальность.

Второе направление сфокусировано на осмыслении современных вызовов, стоящих перед архивным образованием в условиях постиндустриального общества. Как отмечает А. В. Понасенко [5], современные исследования акцентируют внимание не только на содержательном наполнении образовательных программ, но и на педагогических аспектах цифровой трансформации архивного образования. В его работе подчеркивается, что ключевой проблемой остается не столько внедрение новых дисциплин, сколько формирование у преподавателей и студентов цифровой педагогической компетентности, позволяющей эффективно интегрировать традиционные архивоведческие знания с цифровыми инструментами. Автор обосновывает необходимость перехода от «технологического» подхода, где цифровизация сводится к освоению программных продуктов, к «педагогическому», в центре которого находится изменение методов обучения и характера взаимодействия участников образовательного процесса. Анализ современных тенденций дополняется исследованиями в области цифровизации образования в целом, где рассматриваются как ее потенциал [6; 7], так и сопутствующие риски [8; 9]. В работах Г. В. Захарова и О. В. Коростелева [6] подчеркивается, что цифровая трансформация образовательной среды требует не только технического переоснащения, но и пересмотра педагогических подходов, формирования новых компетенций у преподавателей. Исследования М. В. Пашкова и В. М. Пашковой [8] акцентируют внимание на рисках, связанных с поверхностным внедрением цифровых инструментов без учета педагогической целесообразности. В. М. Розин [9] в своей работе ставит более фундаментальный вопрос о том, не приводит ли цифровизация к дегуманизации образования, утрате критического мышления и навыков глубинной работы с информацией. Вместе с тем, как отмечает ряд авторов [4; 10], многие из этих исследований носят фрагментарный характер, сосредотачиваясь либо на исторической ретроспективе советского периода, либо на описании отдельных аспектов современного состояния, без построения целостной модели трансформации. Проблема смены парадигмы, то есть системы фундаментальных оснований, ценностей, целей и методов подготовки архивистов, остается недостаточно изученной.

Третье направление только начинает формироваться в рамках цифровой гуманитаристики и междисциплинарных исследований. Оно отражено в коллективных трудах, таких как «Документ. Архив. История. Современность» [11], а также в работах, посвященных эволюции архивоведческой мысли [10]. Именно в этих работах намечается переход от анализа конкретных умений к осмыслению философии профессии, ее места в цифровом обществе. В. Г. Ткаченко и Е. В. Ткаченко [10] предпринимают попытку переосмыслить периодизацию истории архивного дела, выделяя качественные рубежи, связанные не только с политическими изменениями, но и с технологическими революциями. Тем не менее комплексного историко-педагогического исследования, которое бы проследило генетическую связь и принципиальные различия между советской и постсоветской образовательными моделями, до сих пор не проведено. В частности, отсутствует системное сопоставление

профессиональных идеалов, компетенций и мировоззренческих установок, формируемых в рамках двух парадигм. Обозначенный пробел в научном знании определяет научную проблему данного исследования, которая состоит в необходимости преодоления фрагментарности в изучении эволюции архивного образования путем разработки целостной концепции смены его базовых парадигм.

Целью исследования является системный анализ трансформации парадигмы архивного образования в России, заключающейся в переходе от модели «идеологического бойца» к модели «цифрового куратора наследия». Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Реконструировать системообразующие элементы советской парадигмы архивного образования методом историко-системного анализа нормативных и учебно-методических документов, выявив их внутреннюю связность и механизмы самовоспроизводства.

2. Выявить движущие силы и содержание кризиса советской модели в конце XX в. через сопоставление институциональных условий, законодательных изменений и профессиональных дискурсов.

3. Определить новую компетентностную модель архивиста («цифрового куратора наследия») на основе анализа ФГОС, профессиональных стандартов и исследований по цифровой гуманитаристике, выделив ее ключевые компоненты.

4. Построить типологическое сопоставление двух парадигм методом моделирования, выделив критерии: миссия, базовые компетенции, ценностные установки, функции, и выявив зоны напряженности при переходе.

Для анализа советского периода ключевое значение имели труды по истории архивного дела в СССР [3; 12], раскрывающие механизмы партийно-государственного контроля над архивной сферой, систему отбора и подготовки кадров, а также идеологические основания архивного строительства. И. В. Кондрашин [12] в своем исследовании подробно анализирует, как в 1920–1930-е гг. происходило превращение архивов из научных учреждений в инструменты идеологической борьбы, что напрямую определило характер образовательной модели. Международный контекст и смену архивных парадигм в глобальном масштабе помогает осветить работа Т. Кука [13], в которой выделяются четыре последовательные парадигмы: юрисдикционная, кураторская, посредническая и активистская. Эта периодизация позволяет поместить российские процессы в более широкий контекст глобальной эволюции профессии.

Методология исследования носит комплексный характер. Ведущим является историко-системный метод, позволяющий рассмотреть архивное образование как целостную систему, элементы которой (цели, содержание, методы, идеология) были тесно взаимосвязаны и детерминированы в более широкий политический и идеологический контекст. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления двух исторических этапов развития системы подготовки кадров, выявления в них общего и особенного. Для реконструкции профессиональных моделей использовался метод

моделирования, позволивший выделить их ключевые компоненты: миссию, базовые компетенции, мировоззренческие установки и функциональные обязанности. Советская парадигма архивного образования определяла архивиста не просто как технического хранителя, а как «идеологического бойца».

Советская модель архивного образования, окончательно сформировавшаяся к 1930-м гг. в результате реформы архивного дела и создания единой государственной системы, была неразрывно связана с тоталитарной природой государства. Ее центральной фигурой был архивист – «идеологический боец». Миссия данного специалиста заключалась не столько в сохранении объективной исторической памяти, сколько в обеспечении идеологического контроля над документальным наследием и формировании «правильного», классово выверенного видения истории [3]. Данная парадигма не была статичной и эволюционировала вместе с государством, ужесточаясь в периоды «большого террора» и позднее застоя, однако ее системообразующие принципы оставались незыблемыми на протяжении всего советского периода.

Реализация историко-системного анализа нормативных и учебно-методических документов позволила реконструировать системообразующие элементы советской парадигмы архивного образования в их внутренней связности. Ключевым нормативным актом здесь выступило постановление ЦИК и СНК СССР «Об упорядочении архивного дела в народных комиссариатах и центральных учреждениях СССР» (1936), которое институционализировало архивы не как хранилища исторической памяти, а как инструмент идеологического воспитания. Этот документ создал правовую основу для централизации архивного дела, подчинения архивов партийно-государственному контролю и установления жесткой системы доступа к документам.

Анализ учебных планов МГИАИ 1930–1980-х гг. и ведомственных инструкций позволяет выделить системообразующие элементы советской парадигмы. Целевой – подготовка «идеологического бойца», подчиненная задачам партийного строительства; вступительные экзамены включали проверку благонадежности, в 1930-е гг. действовал социальный лимит (не менее 70 % студентов из рабочих и крестьян). Содержательный – доминирование марксистско-ленинских дисциплин (до 25–30 % учебного времени), задававших мировоззренческую рамку для спецкурсов; источниковедение преподавалось сквозь призму классового подхода, дисциплины по управлению документацией исключены как «буржуазные». Процессуальный – непрерывный контроль благонадежности, наблюдение партийных организаций; практика в закрытых архивах (КГБ, МВД) – только после спецдопуска, исключение из комсомола или партии вело к отчислению. Ценностно-нормативный – формирование профессионального этики, где секретность, подозрительность и лояльность выступали профессиональными добродетелями; архивист – «часовой» наследия, а не ученый или хранитель. Ценности транслировались через ритуалы принятия присяги и наставничество.

Установлено, что все эти элементы были жестко связаны между собой: изменение любого из них блокировалось идеологическим мониторингом. Так, попытки в 1960-е гг. расширить учебные планы за счет кибернетики и управленческих дисциплин наталкивались на сопротивление как со стороны партийных органов, так и консервативной части профессуры. Тем самым советская парадигма предстает не как совокупность разрозненных черт, а как замкнутая, самовоспроизводящаяся система, эффективная для задач тоталитарного государства, но глубоко деформировавшая профессиональное сознание.

Генезис модели «идеологического бойца» напрямую связан с постановлением 1936 г. Как отмечает И. В. Кондрашин, «установка на необходимость для историков и архивистов удовлетворять в первую очередь “политические задачи момента”... полностью совпадает по смыслу... речь шла о проведении отбора архивных кадров на основе не только профессиональных, но прежде всего политических качеств» [12]. Подготовка таких кадров была сосредоточена в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), который стал главной «кузницей кадров» и эталоном для всей образовательной системы. МГИАИ выполнял не только образовательную, но и идеологическую функцию, выступая методическим центром для региональных архивов и формируя единые подходы к подготовке кадров по всей стране. Принципиально важным было то, что профессиональная компетентность неизменно рассматривалась как производная от политической благонадежности, что находило свое выражение в строгой системе отбора абитуриентов и непрерывном идеологическом сопровождении учебного процесса.

Ключевые характеристики данной модели имели глубокую институциональную и содержательную проработку. В основе образовательных программ лежала не просто дисциплина «История КПСС», но и принципиальная переориентация всех специальных курсов. Историко-архивное источниковедение, например, преподавалось сквозь призму классового подхода, где достоверность источника оценивалась прежде всего с позиций его «прогрессивности» или «реакционности». Это означало, что документы, созданные представителями «эксплуататорских классов», априори считались менее достоверными, а их использование в научных целях требовало особой осторожности и «критического» подхода. Профессиональные навыки считались вторичными по отношению к политической благонадежности, которая проверялась на протяжении всего периода обучения. Это формировало у архивиста специфическое «двойное зрение», при котором его взгляд на документ был всегда опосредован идеологической установкой, что в конечном счете вело к деформации профессионального сознания и подмене научных критериев политической целесообразностью.

Главной практической задачей архивиста в этой системе было обеспечение физической сохранности документов и, что не менее важно, строгое ограничение доступа к ним. Эта функция была закреплена в ведомственных инструкциях, которые предписывали составление так называемых

«списков № 1» – перечней фондов, полностью закрытых для исследователей в связи с их «секретностью» или «политической неблагонадежностью». Широкий круг фондов, связанных с репрессиями, деятельностью оппозиционных партий, белым движением, послевоенным периодом, был практически недоступен. Архивариус превращался в стражника, главной доблестью которого было не предоставление информации, а ее сокрытие, что фундаментально противоречило базовому предназначению архивов как общественных институтов памяти. Работа немногочисленных допущенных исследователей находилась под жестким надзором, а их тематика согласовывалась с партийными органами, что превращало архив из научного учреждения в идеологический фильтр. «Так целенаправленно архивы из “лабораторий” для историка-исследователя превращались в своеобразный отдел партийно-правительственного аппарата... К концу 1930-х гг. в Советском Союзе тоталитарная власть осуществила целенаправленную ликвидацию архивов как свободно развивающегося феномена духовной культуры» [12]. Архивный работник был активным участником этого процесса фильтрации памяти, руководствуясь не научными, а сугубо идеологическими критериями отбора, что ставило его в положение цензора, а не хранителя исторического наследия.

Профессиональные навыки советского архивиста сводились к узкому кругу дисциплин: основам палеографии (для работы с древними документами), архивоведения (теория и практика описания и учета дел), истории государственных учреждений, вспомогательным историческим дисциплинам. Технологическая составляющая была минимальной и консервативной, ориентированной на рутинную работу с бумажными носителями. Основными инструментами архивиста оставались карандаш, бумага, картотека и печатная машинка. При этом советская архивная наука и образование развивались в условиях жесткой изоляции от международных тенденций. Идеи рекорд-менеджмента, активно развивавшиеся на Западе с 1940–1950-х гг., были объявлены «буржуазными» и отвергались как не соответствующие социалистической системе управления. Это консервировало техническую отсталость и формировало у специалистов убежденность в превосходстве «советской архивной школы». Доступ к зарубежным профессиональным журналам и участие в международных конференциях были крайне ограничены и являлись прерогативой узкого круга проверенных лиц, что создавало герметичную интеллектуальную среду, лишенную стимулов к развитию. Как отмечает Т. И. Хорхордина, эта изоляция, несмотря на отдельные попытки диалога в 1960-е и 1980-е гг., в целом сохранялась на протяжении десятилетий [14].

Важнейшим элементом подготовки было формирование специфической корпоративной культуры, основанной на подозрительности, секретности и ощущении собственной элитарности как части государственного аппарата. Архивист воспринимал себя не как служащий, обеспечивающий потребности граждан, а как носитель государственной тайны, стоящий на страже интересов партии и правительства. Его профессиональная гордость заключалась не в количестве введенных в научный оборот документов, а в безупречности

соблюдения режима секретности и умения противостоять «проискам» нежелательных исследователей. Эта модель воспроизводилась через систему наставничества, строгую иерархию и ритуалы посвящения, создавая замкнутую касту «посвященных», чья профессиональная идентичность строилась на противопоставлении себя как научному сообществу, так и обществу в целом. Даже после окончания института выпускники попадали в систему, где их продвижение по службе напрямую зависело от партийной активности и лояльности, а не только от профессиональных достижений.

Таким образом, советский архивист был, прежде всего, стражем идеологически выверенной версии прошлого, а его образовательная траектория была направлена на формирование лояльности режиму и исполнение контрольно-охранительных функций. Эта парадигма, несмотря на свою внутреннюю цельность и эффективность с точки зрения задач тоталитарного государства, привела к глубокой деформации профессионального сознания, последствия которой, в виде определенной закрытости, бюрократизма и недоверия к инновациям, ощущаются в архивной среде вплоть до настоящего времени. Сформированный в этот период тип «идеологического бойца» оказался чрезвычайно устойчивым, что в значительной степени осложняет процесс адаптации архивной системы к вызовам современной цифровой эпохи и требованиям открытого общества.

Распад СССР и демонтаж идеологических структур в начале 1990-х гг. привели к глубокому системному кризису сложившейся парадигмы архивного образования, который носил не только институциональный, но и мировоззренческий характер. Фундаментальные геополитические изменения повлекли за собой пересмотр базовых принципов организации архивного дела, что выразилось в принятии новых основополагающих документов – «Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (1993) и Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» (1995). Эти законодательные акты законодательно закрепили переход от идеологически детерминированной модели к демократическим принципам организации архивного дела: открытости, доступности, свободе поиска и получения информации. Статья 20 «Основ законодательства...» провозглашала, что «архивные документы являются открытыми и общедоступными, за исключением установленных законом ограничений». Это был радикальный разрыв с советской традицией, где доступ был скорее исключением, чем правилом.

Открытие ранее засекреченных фондов – колоссальный по масштабу процесс, затронувший миллионы дел, – поставило перед архивами и системой образования принципиально новые задачи. Архивисты столкнулись с необходимостью не просто технического рассекречивания, но и переосмысления своей роли: из стражников, оберегавших документы от посторонних глаз, они должны были превратиться в проводников, помогающих исследователям ориентироваться в гигантских массивах вновь открытой информации. Однако эта трансформация усугублялась накопленными за советский период проблемами – катастрофическим физическим состоянием

многих документов (бумага, особенно военного и послевоенного времени, была низкого качества и приходила в негодность), отсутствием современной технической базы (компьютеры, сканеры, системы электронного учета были в архивах редкостью), и главное – консервативным профессиональным сознанием кадров, воспитанных в парадигме «идеологического бойца». Многие архивисты старшего поколения испытывали психологический дискомфорт от необходимости работать «на публику», воспринимая исследователей не как клиентов, а как потенциальную угрозу.

Кризис советской модели проявлялся в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, возникло противоречие между унаследованными компетенциями и новыми социальными требованиями. Вместо ограничения доступа и контроля тематики исследований от архивиста требовалось активное содействие пользователям, развитие сервисных функций. Старые учебные планы не включали курсов по менеджменту, маркетингу, коммуникациям. Во-вторых, массовое рассекречивание фондов потребовало новых методик обработки документов партийных органов, спецслужб, эмигрантских организаций, имевших специфическую структуру и делопроизводство. Прежние образовательные стандарты, ориентированные на дореволюционные и советские государственные учреждения, не предусматривали таких подходов. В-третьих, «цифровая революция» создала технологический разрыв. Начавшийся переход на электронный документооборот застал архивы и образование неподготовленными: отсутствовали компетенции по приему и долговременному хранению электронных документов, не было материально-технической базы, специализированного ПО и подготовленных преподавателей.

Особую остроту кризису придавало то обстоятельство, что трансформация происходила в условиях системного социально-экономического кризиса 1990-х гг., когда архивы и образовательные учреждения столкнулись с хроническим недофинансированием, массовым оттоком квалифицированных кадров в коммерческий сектор (где знания по документоведению и управлению документацией оказались востребованы, а зарплаты были в разы выше) и разрушением существовавшей системы профессиональной коммуникации. Научно-методические советы, которые в советское время обеспечивали единство подходов, утратили свое влияние, а новые механизмы координации только формировались.

В этот период особенно явственно проявилось отставание отечественной архивной мысли от международных тенденций развития профессии, накопленное за годы идеологической изоляции. Российские архивисты оказались не готовы к таким вызовам, как массовый переход на электронный документооборот в органах государственной власти, необходимость разработки стратегий сохранения цифрового наследия и организации доступа к нему, а также к работе в условиях нового информационного законодательства. В то время как в западных странах уже с 1980-х гг. активно развивались концепции рекорд-менеджмента, цифрового сохранения, а архивное образование

переходило на междисциплинарную основу, российская система оставалась в парадигме работы с бумажными носителями.

Параллельно цифровая трансформация общества стала главным фактором изменения профессии. Возникла потребность в специалистах, способных работать с информацией в цифровой среде, обеспечивать ее долговременное сохранение и эффективное использование. Новые технологические реалии – электронные документы, метаданные, базы данных – требовали пересмотра содержания и методологии образования. Традиционные дисциплины дополнились курсами по компьютерной лингвистике, цифровой дипломатике, управлению электронными документами. Как подчеркивается в исследованиях, внедрение цифровых технологий в образование стало объективной необходимостью [9], породившей и определенные риски [8]. Цифровизация требует не замены инструментов, а переосмысления педагогических подходов и формирования цифрового мышления. Особую сложность составила необходимость одновременного решения унаследованных проблем советского периода (кадровая инерция, техническая отсталость) и ответа на вызовы цифровой эпохи.

Кризис усугублялся тем, что существовавшая нормативно-правовая база и образовательные стандарты не поспевали за стремительными изменениями в информационной сфере. Возник правовой вакуум в вопросах, связанных с юридическим статусом электронных документов, обеспечением их аутентичности и сохранности в долгосрочной перспективе. Федеральный закон «Об информации...» 1995 г. лишь в общих чертах регулировал эти вопросы, а специализированное архивное законодательство долгое время оставалось ориентированным на традиционные документы. Все это создавало дополнительные проблемы для образовательных программ, которые должны были готовить специалистов к работе в условиях нормативной неопределенности и быстро меняющегося законодательства.

Кроме того, изменились сами пользователи архивов. Если в советский период основными потребителями архивной информации были академические историки и партийные работники, то теперь круг пользователей расширился до генеалогов, краеведов, журналистов, адвокатов, коммерческих структур. Повысился спрос на удаленный доступ к ресурсам, выросла потребность в оцифрованных копиях документов. Это требовало от архивистов развития совершенно новых коммуникативных навыков, клиентоориентированного подхода, способности работать с разнородными запросами и объяснять сложные архивные процедуры неподготовленным людям.

Сопоставление институциональных условий, законодательных изменений и профессиональных дискурсов позволило выявить движущие силы и содержание кризиса советской модели в конце XX в. Движущими силами выступили: (а) демонтаж партийно-государственной идеологии после 1991 г., лишивший профессию ее идеологического обоснования; (б) принятие «Основ законодательства...» (1993) и Закона «Об информации...» (1995), закрепивших принципы открытости и доступности вместо секретности и закрытости; (в) цифровая революция, создавшая технологический разрыв между бумажными

практиками и электронным документооборотом; (г) массовое рассекречивание фондов, потребовавшее новых методик работы и переосмысления профессиональной этики.

Содержание кризиса носило системный характер: возникло противоречие между унаследованными компетенциями (ограничение доступа, работа с бумажными носителями) и новыми социальными требованиями (содействие пользователям, работа с цифровыми объектами); образовался технологический разрыв между бумажными практиками и электронным документооборотом; проявилась мировоззренческая дезориентация – выпускники МГИАИ оказались не готовы к роли публичного посредника, открытого для диалога с обществом; добавился ресурсный кризис 1990-х гг. (недофинансирование, отток кадров, устаревшая материальная база). Особо значимым оказался разрыв между профессиональным дискурсом (декларации об открытости, публичные заявления о переходе к демократическим принципам) и реальными практиками (сохранение закрытости, недоверие к пользователям, неготовность к инновациям). Таким образом, кризис затронул одновременно институциональный, технологический, ценностный и кадровый уровни, сделав прежнюю парадигму нежизнеспособной, но не создав автоматически новой. К началу 2000-х годов сложилась ситуация, когда прежняя образовательная парадигма окончательно утратила свою адекватность, а новая еще не сформировалась. Кризис советской модели был не просто кризисом отдельных элементов системы, а системным кризисом, затрагивающим философские основы профессии, ее место в обществе и методологическую базу.

Ответом на системные вызовы конца XX – начала XXI в. стало постепенное формирование новой образовательной парадигмы, ориентированной на подготовку «цифрового куратора наследия». Данная модель кардинально меняет миссию архивиста: из пассивного хранителя и контролера он превращается в активного посредника, интерпретатора и популяризатора историко-культурного наследия в цифровом пространстве. Этот переход носит не поверхностный, а глубинный характер, затрагивающий саму философию профессии и требующий пересмотра всего комплекса профессиональных компетенций. Становление новой парадигмы происходит в условиях фундаментальных изменений в информационной сфере, когда традиционные методы работы с документами уступают место комплексным цифровым стратегиям, а сам архив трансформируется из закрытого хранилища в открытый информационный хаб.

Определение новой компетентностной модели выполнено на основе анализа ФГОС (направление 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», редакции 2014, 2018, 2023 гг.), профессионального стандарта «Специалист по архивному делу» (2020) и исследований по цифровой гуманитаристике [11]. Если ФГОС 2014 года сохранял инерцию советской системы, то редакции 2018 и 2023 гг. вводят обязательные цифровые модули, а профстандарт 2020 года фиксирует требования к владению специализированным ПО, работе с электронными документами и базами данных.

Модель «цифрового куратора наследия» представлена четырьмя группами характеристик.

Миссия – обеспечение долговременной доступности наследия, его актуализация и интерпретация для общества. «Цифровой куратор» – не технический специалист, а профессионал, осмысляющий наследие в цифровом контексте.

Базовые компетенции делятся на три подгруппы. *Технологические*: управление базами данных, работа с метаданными, основы ИИ для анализа текстов, кибербезопасность, знание форматов долговременного хранения, жизненный цикл электронных документов. *Коммуникативно-проектные*: медиапродвижение, виртуальные выставки, работа с соцсетями и краудсорсингом, грантовое проектирование, взаимодействие с разными аудиториями. *Правовые*: баланс открытости и защиты персональных данных, знание информационного и авторского законодательства, правовая экспертиза документов.

Ценностные установки – клиентоориентированность, прозрачность, междисциплинарность, готовность к постоянному обучению, этическая рефлексия об ответственности за отбор и интерпретацию документов.

Функции дополняют традиционные (учет, описание, хранение) новыми: цифровая дипломатика, создание виртуальных реконструкций, работа в междисциплинарных командах. Модель требует «двуязычия» – владения как классическими, так и цифровыми практиками: от описания фондов до построения баз данных, от палеографии до OCR-распознавания.

Технологическая и цифровая компетентность становится краеугольным камнем новой модели. Современный архивист должен владеть не просто навыками оцифровки, а комплексными компетенциями в области управления базами данных, работы с метаданными, WEB-технологиями, основами ИИ для анализа данных и кибербезопасностью. Исследователи отмечают, что цифровизация образования создает новую среду, требующую адаптации [6; 15]. Особое значение приобретает понимание жизненного цикла электронного документа и работа с распределенными ресурсами. Эти требования отражены в новых ФГОС, где традиционные дисциплины дополняются курсами по цифровому сохранению, компьютерному моделированию и виртуальным реконструкциям. Технологическая подготовка предполагает не освоение конкретных программ (устаревающих за 3–5 лет), а формирование цифрового мышления и понимания архитектуры информационных систем.

Коммуникативная и проектная деятельность – не менее важный компонент. Специалист взаимодействует с пользователями через онлайн-сервисы, работает в социальных медиа, создает виртуальные выставки с использованием 3D-моделирования и AR, реализует грантовые проекты. Архив трансформируется в культурно-просветительский центр, требуя навыков медиапланирования, контент-менеджмента и проектного управления. Особое значение приобретает работа с разными аудиториями – от академических исследователей до школьников, владение методиками краудсорсинга.

Ориентация на клиентоориентированность и открытость становится принципиально важной. Если в советский период доступ был исключением, теперь принцип доступности – центральный. Образовательные программы включают дисциплины по правовым основам доступа, менеджменту и маркетингу. Формируется архивный сервис на основе прозрачности, удобства и ориентации на потребности пользователей, что требует развития эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков. Особую сложность представляет баланс открытости и защиты персональных данных.

Междисциплинарность становится обязательной характеристикой подготовки. Профессия требует интеграции с цифровой гуманитаристикой, информатикой, социологией, медиаисследованиями [11; 14]. Появляются новые направления: историческая геоинформатика, компьютерный анализ текстов. Это требует пересмотра педагогических подходов и внедрения проектных форм обучения, работы в командах с программистами и дизайнерами, включения международных стажировок.

Трансформация отражается в новых ФГОС и профстандартах, где все большее место занимают цифровые и надпрофессиональные навыки. Однако реформирование сталкивается с трудностями: недостаточное технологическое оснащение вузов, консерватизм части преподавательского состава, не владеющего цифровыми компетенциями, разрыв между содержанием образования и реальными потребностями архивов.

Особую проблему представляет необходимость одновременного сохранения лучших традиций российского архивоведения (глубокое источниковедение, археография, палеография) и освоения международного опыта. Социальные проблемы, в том числе связанные с внедрением искусственного интеллекта (риски предвзятости алгоритмов, проблема «черного ящика» при автоматическом описании документов, вопросы авторства и ответственности), также требуют внимания при проектировании новых образовательных траекторий [16]. Важным направлением развития становится создание системы непрерывного образования, позволяющей действующим специалистам постоянно обновлять свои компетенции в соответствии с быстро меняющимися требованиями. Это включает программы повышения квалификации, профессиональной переподготовки, мастер-классы, онлайн-курсы, которые должны быть доступны архивистам из разных регионов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что трансформация парадигмы архивного образования в России носит системный и необратимый характер. Она представляет собой сложный, подчас противоречивый процесс перехода от закрытой, идеологически детерминированной модели «идеологического бойца» к открытой, технологически насыщенной и социально ориентированной модели «цифрового куратора наследия». Этот переход не является завершенным – мы находимся в его активной фазе, где сосуществуют и конфликтуют элементы разных парадигм, а образовательные стандарты, профессиональные практики и ментальные установки находятся в состоянии динамического равновесия.

Главный результат исследования заключается в разработке целостной концепции этой трансформации, выявлении и сопоставлении системообразующих элементов двух парадигм. Впервые в отечественной историографии проведено системное сопоставление советской и постсоветской моделей архивного образования не по отдельным параметрам, а как целостных систем, включающих целевые, содержательные, процессуальные и ценностно-нормативные компоненты. Предложенные концепты «идеологический боец» и «цифровой куратор наследия» позволяют схватить сущность произошедших изменений и могут быть использованы для дальнейших исследований в области истории и педагогики архивного дела.

Установлено, что современный этап развития архивного образования требует не просто добавления в учебные курсы дисциплин по информатике, а фундаментального пересмотра всей философии подготовки кадров, ориентированной на формирование специалиста, способного к активной работе с цифровым наследием в условиях открытого общества. Это предполагает не только технологическую переподготовку, но и изменение профессиональной идентичности, ценностных установок, понимания своей миссии. Ключевым вызовом остается преодоление институциональной инерции, унаследованной от советской системы: бюрократизации, недоверия к инновациям, ориентации на формальные показатели вместо реальных результатов.

Значение данного результата для науки состоит в создании теоретической основы для модернизации образовательных стандартов и прогнозирования будущих потребностей в компетенциях архивистов. Предложенная концепция может быть использована для разработки новых учебных планов, программ повышения квалификации, а также для дальнейших исследований в области истории и теории архивного образования.

Наиболее важным направлением дальнейших исследований видится разработка конкретных методик и педагогических технологий для формирования цифровых и коммуникативных компетенций у будущих специалистов. Необходимо создание апробированных образовательных модулей по цифровой дипломатике, управлению электронными документами, созданию виртуальных экспозиций, которые могли бы быть внедрены в различных вузах с учетом региональной специфики. Также актуальным является изучение этических вызовов, связанных с долговременным сохранением и интерпретацией цифрового наследия: вопросы авторского права в цифровую эпоху, ответственность за достоверность оцифрованных копий, проблемы алгоритмической предвзятости при автоматической обработке архивных документов, социальные аспекты внедрения искусственного интеллекта [16]. Наконец, важным направлением является сравнительный анализ российского и зарубежного опыта подготовки архивистов в цифровую эпоху, который позволил бы выявить лучшие практики и адаптировать их к российским условиям.

Список литературы

1. Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы. 1930–2025. 3-е изд., доп. Москва, 2025. 524 с.
2. Хорхордина Т. И. Научно-педагогическая школа историко-архивоведения: развитие научной мысли в XX–XXI вв. // Документация в информационном обществе: цифровая трансформация в интересах человека, общества, государства: доклады и сообщения XXVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 октября 2021 года. Москва, 2022. С. 104–112.
3. Безбородов А. Б., Хорхордина Т. И. Архивы и власть: государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 59–77.
4. Козлов В. П. Архивоведение, археография, источниковедение как научные дисциплины: размышления о прошлом, настоящем, будущем // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 24–37.
5. Понасенко А. В. Историко-педагогический анализ цифровизации архивного образования в России: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2025. Т. 17. № 3. С. 88–97. DOI 10.14529/ped250307
6. Захаров Г. В., Коростелев О. В. Развитие образовательной среды в условиях цифровой трансформации // Инновации и инвестиции. 2021. № 12. С. 86–89.
7. Евенко И. А., Мирная А. Н. Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс // Наука и инновационные образовательные технологии: материалы VIII Всероссийской (национальной) научно-методической конференции, Ставрополь, 18 марта 2022 г. / Белгородский университет кооперации, экономики и права. Москва, 2022. С. 20–25.
8. Пашков М. В., Пашкова В. М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57.
9. Розин В. М. Цифровизация в образовании (по следам исследования «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования») // Культура культуры. 2023. № 1.
10. Ткаченко В. Г., Ткаченко Е. В. Эволюция взглядов на периодизацию истории архивов и архивного дела в отечественном архивоведении // История Чувашии через призму комплексного подхода: от междисциплинарности к трансдисциплинарности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 11 января 2024 года. Чебоксары, 2024. С. 309–325.
11. Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов / М-во образования Российской Федерации, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького; редкол.: А. В. Черноухов (гл. ред.) и др. Екатеринбург, 2001. Вып. 14. 2014. 379 с.
12. Кондрашин И. В. Идеологические основы советского архивного строительства на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России: научный журнал. Москва, 2002. С. 119–125.
13. Cook T. Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms // Archival Science. 2013. Vol. 13. № 2–3. P. 95–120.
14. Хорхордина Т. И. Отечественные архивы и мировое архивное сообщество: история сотрудничества // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 3–17.
15. Тоискин В. С., Красильников В. В., Корчак К. И. Цифровизация педагогического образования в контексте цифровой трансформации образования: сущность, структура и меры по обеспечению практической реализации // Международный научный журнал. 2022. № 2(83). С. 119–131.
16. Лучшева Л. В. Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 84–89.

References

1. Khorkhordina T. I. Historical and Archival Institute in the History of Russian Higher Education. 1930–2025. 3rd ed., expanded. Moscow, 2025. 524 p. (In Russ.)
2. Khorkhordina T. I. Scientific and Pedagogical School of Historical and Archival Studies: Development of Scientific Thought in the 20th–21st Centuries. *Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve: tsifrovaya transformatsiya v interesakh cheloveka, obshchestva, gosudarstva* [Documentation in the Information Society: Digital Transformation for the Benefit of Humans, Society, and the State]. Proceedings of the XXVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 28–29, 2021. Moscow, 2022. P. 104–112. (In Russ.)
3. Bezborodov A. B., Khorkhordina T. I. Archives and Power: The State Archival Service in Shaping Historical Consciousness and Russian Sociocultural Identity. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin]. 2018. No. 3 (57). P. 59–77. (In Russ.)
4. Kozlov V. P. Archival Science, Archival Description, Source Studies as Scientific Disciplines: Reflections on the Past, Present, and Future. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic Archives]. 2022. No. 1. P. 24–37. (In Russ.)
5. Ponasenko A. V. Historical and Pedagogical Analysis of Digitalization of Archival Education in Russia: Problems and Prospects. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of South Ural State University. Ser.: Education. Pedagogical Sciences]. 2025. Vol. 17. No. 3. P. 88–97. DOI: 10.14529/ped250307 (In Russ.)
6. Zakharov G. V., Korostelev O. V. Development of the Educational Environment in the Context of Digital Transformation. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments]. 2021. No. 12. P. 86–89. (In Russ.)
7. Evenko I. A., Mirnaya A. N. Introduction of Digital Technologies into the Educational Process. Fominskaya M. D., Berezhnoy V. I. (eds.). *Nauka i innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii* [Science and Innovative Educational Technologies]. Moscow, 2022. P. 20–25. (In Russ.)
8. Pashkov M. V., Pashkova V. M. Problems and Risks of Higher Education Digitalization. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 40–57. (In Russ.)
9. Rozin V. M. Digitalization in Education (Following the Research «Difficulties and Prospects of Digital Transformation of Education»). *Kul'tura kul'tury* [Culture of Culture]. 2023. No. 1. (In Russ.)
10. Tkachenko V. G., Tkachenko E. V. The Evolution of Views on the Periodization of the History of Archives and Archival Affairs in Russian Archival Science. *Istoriya Chuvashii cherez prizmu kompleksnogo podkhoda: ot mezhdistsiplinarnosti k transdistsiplinarnosti* [History of Chuvashia Through the Prism of an Integrated Approach: From Interdisciplinarity to Transdisciplinarity]. Cheboksary, 2024. P. 309–325. (In Russ.)
11. Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific papers / Ministry of Education of the Russian Federation, A. M. Gorky; Ural State University Chernoukhov A. V. (ed.) et al. Ekaterinburg, 2001. (In Russ.)
12. Kondrashin I. V. Ideological Foundations of Soviet Archival Construction at the Turn of the 1920s–1930s. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Russian History]. 2002. P. 119–125. (In Russ.)
13. Cook T. Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms. *Archival Science*. 2013. Vol. 13. No. 2-3. P. 95–120.
14. Khorkhordina T. I. National Archives and the World Archival Community: A History of Cooperation. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic Archives]. 2020. No. 5. P. 3–17. (In Russ.)
15. Toiskin V. S., Krasil'nikov V. V., Korchak K. I. Digitalization of Pedagogical Education in the Context of Digital Transformation of Education: Essence, Structure and Measures for

Practical Implementation. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal [International Scientific Journal]*. 2022. No. 2 (83). P. 119–131. (In Russ.)

16. Luchsheva L. V. Social Problems of Using Artificial Intelligence in Higher Education: Tasks and Prospects. *Nauchnyy Tatarstan [Scientific Tatarstan]*. 2020. No. 4. P. 84–89. (In Russ.)